

ГЛАВА 1

Зина Жалейко была своеобразным человеком, неординарной личностью и одной из самых странных женщин, которых только можно встретить на планете Земля. Понятно, что все люди разные, но встречаются среди них не похожие ни на кого другого, и это вовсе не означает, что человек ненормальный, просто он не такой, как все, то есть «белая ворона». Зина Жалейко и была «белой вороной». Зина могла быть сверхобщительной, привлекая к себе всеобщее внимание, а временами становилась абсолютно нелюдимой и отрешенной от действительности, всецело погружалась в собственные мысли. Ее не увлекали занятия, которым предавались обычные девочки. Зина не скакала через веревочку, не играла в куклы... Она предпочитала копаться в моторе машины вместе с отцом и любила читать энциклопедии, играть в шахматы, шашки и карты.

Естественно, что при таком раскладе у девочки все друзья были противоположного пола, так как сверстницы ее просто не понимали. Зина могла принести в школу крысу и наблюдать,

как до смерти напуганные одноклассницы визжат и жеманничают. Или она запросто могла довести учительницу по биологии до состояния шока, притащив в класс таракана или паука и рассматривая его под микроскопом. Коленки ее всегда были в зеленке, а одежда находилась и вовсе в неопрятном состоянии, не подобающем девочке из приличной семьи. Но в этом была вся Зина. Мама Зины была учительницей музыки, а отец, Евгений Евгеньевич Жалейко, работал охранником в женской тюрьме. Человек он был строгий, любящий, чтобы все его приказы выполнялись моментально, и очень неэмоциональный. Создавалось впечатление, что он воспитывает своих двух сыновей и дочку совершенно одинаково, не делая никаких различий на половую принадлежность, словно отряд малолетних преступников.

Как известно, несчастья не приходят в одиночку, и беда за бедой напали на семью Жалейко, когда Зине было четыре года, ее старшему брату Юре семь, а младшему брату Дениске всего два года. Юру сбило машиной насмерть, когда он случайно выбежал с мячом на трассу в Подмоскowie, где у них была дача. Водитель с места преступления скрылся. Зина тяжело переживала потерю старшего брата, ведь все свое свободное время она проводила именно с ним, внимая каждому слову Юры, который был большим выдумщиком и затейником. Родители тоже ходили как в воду опущенные, и когда от тяжелейшей болезни умер младший брат Зины, ее мать поме-

шалась рассудком. Она потеряла всяческий интерес к происходящему вокруг и повторяла только одну фразу:

«Это случилось за все мои прегрешения».

Женщину с кристально чистой репутацией, все время повторяющую о каких-то своих прегрешениях, поместили в психушку, где она и скончалась через несколько лет. Некогда властный и словно отчужденный Евгений Евгеньевич надломился, ушел с работы и очень быстро женился на молодой и сильно пьющей женщине. Сей пагубной страсти они с удовольствием стали предаваться вдвоем. Понятно, что воспитание дочери больше не входило в планы отца, который оказался слабым человеком и попросту заливал свое горе.

Даже сейчас, по прошествии очень многих лет, Зина не винила своего отца, потому что понимала, что не каждая психика выдержит потерю троих самых близких людей. Ее психика выдержала благодаря очень своеобразному способу. Девочка отключилась от всего и погрузилась в учебу, что называется, с головой, лишь бы не думать о грустном. Зина была первой ученицей в классе, занимала на всех школьных, общегородских и областных олимпиадах первые места. Она делала какие-то изобретения, активно работала в области биологии и окончила школу, с отличием сдав все экзамены.

Домой Зина возвращаться не хотела, потому что там ее никто не ждал. Потрескавшиеся, пожелтевшие потолки, словно скорлупа перева-

рившихся яиц, стены с отодранными обоями, с записанными телефонами собутыльников отца Зины и ее мачехи, уже третьей по счету.

Последнюю звали Оксаной, и она почему-то требовала особенного к себе отношения, ничем не заслуживая его. В квартире уже фактически ничего не осталось из мебели.

— Пришла? — выползла в коридор Оксана, встречая падчерицу.

Выглядела она как всегда. Босые, высохшие, худые ноги, криво застегнутый, вылинявший халатик, спутанные, давно не крашенные и не стриженные волосы и лицо человека, страдающего от похмелья.

— Принесла чего-нибудь? — спросила она Зинаиду.

— Хлеб, яйца... — пожала плечами девочка, которой тогда было четырнадцать лет.

— И все?! — Оксана икнула.

— Денег же нет! — напомнила Зина, которой с двенадцати лет приходилось трудиться на разной подручной работе за сущие копейки.

— Я каждый день это слышу! Связалась с твоим отцом! Голодные сидим! Ну же, детка... ты же не забыла про тетю Оксану? — начала хныкать мачеха.

Зина закатила глаза, потому что эта сцена повторялась изо дня в день. Широкими шагами она прошла на кухню и выставила на стол бутылку пива «Жигулевское». Оксана уже мчалась за ней, как гончая по следу.

— Вот молодец! Вот умница! Моя девочка!

Я знала, что ты не забыла о бедной Оксане, твоей мамочке! — захихикала мачеха, открывая крышку бутылки. Светло-желтая жидкость влилась в ее горло. Оксана пила с такой жадностью, словно страждущий в пустыне, потом поставила бутылку на стол и поморщилась.

— Не понимаю... почему они стали халтурить? В пиве совсем нет алкоголя, я пью его как воду!

Зина с тоской посмотрела на бутылку, каждый раз ее подмывало вместо пива купить что-нибудь из еды, но вынести слезы и истерики мачехи было очень трудно.

— А ты не знаешь, что такое алкогольная зависимость? — спросила Зина, ставя на грязную плиту сковородку и начиная разбивать туда яйца, что было основной едой в их семье — яичница с черным хлебом и отварная картошка. Яйца в те далекие социалистические времена стоили копейки.

— А я и забыла, что ты у нас самая умная и все знаешь! Вот вырастешь большая, тогда и будешь командовать! Здоровая лошадь, а отец твой — больной человек, ты должна помогать ему!

— Я делаю все, что могу, — ответила девочка.

— Мало делаешь! — нахмурилась Оксана и вцепилась Зине в руку холодными, липкими ладонями. — Деточка моя, ты же не забудешь про свою «вторую маму»? Ты же принесешь мне вечером бутылку, только не пива, а водочки? Зиночка, детка, уважь маму!! Отец-то ведь твой не донесет, сам все выпьет!

Зина поморщилась, сколько раз она просила Оксану не называться мамой, но все было бесполезно, алкоголичка теряла память на глазах, и говорить ей что-либо становилось самым неблагодарным делом. Поев на скорую руку, Зина стала собираться. Никого не заботило, что подметки на ее сапогах отошли, что пальто уже мало в плечах. Вытертая ткань, искусственный мех, напоминавший свалывшуюся стекловату, и торчащие оттуда худые и длинные руки и ноги. Зина давно бы стала посмешищем для одноклассников, если бы не ее кулаки: обидчиков она наказывать могла. Всю жизнь прохаживая в дырявой обуви с мокрыми ногами, Зина закалила свой организм. Она ни разу никому не пожаловалась на свое положение дома, мотивируя это тем, что тогда сразу же придут соответствующие службы и отправят ее в интернат.

— Я выживу где хочешь, — делилась она со своей подругой Лерой, — ты меня знаешь! А вот они без меня пропадут!

Они — это ее подопечные отец и Оксана — лучшая из мачех, которая хотя бы не распускала руки.

Лере было безумно жалко подругу, которая жила совсем в другом, не понятном для Леры, мире, где напрочь отсутствовали детство и любовь, а также родительская забота, но она не знала, чем ей помочь. Зина была настолько гордая, что категорически не принимала никакую помощь и даже могла смертельно обидеться на подругу. Поэтому Лере приходилось прибегать к

маленьким хитростям, например отказываться от школьного бутерброда с колбасой, ссылаясь на то, что плохо себя чувствует, и правдоподобно держась за живот со страдальческой гримасой на лице.

— Съешь тогда ты... не пропадать же...

— Ну ладно! — соглашалась Зина, у которой часто от голода темнело в глазах и сводило судорогой желудок.

Также Лера отдала подруге свою шапку, заметив, что в лютый мороз Зина бегаёт без головного убора и её светлые волосы покрываются сосульками.

— Примерь эту шапку, мне она мала, — вздыхала Лера вполне правдоподобно.

Понятно, что при такой жизни Зина не спешила домой, где её постоянно отвлекали, дергали и гоняли за бутылками. Так как у Зины не было условий для того, чтобы нормально делать уроки дома, она научилась запоминать их прямо в классе, развив у себя феноменальную память. После школы она шла в дом пионеров и занималась всем подряд, благо в то время ещё не надо было ни за что платить. Она ходила и в музыкальную школу; страдая «комплексом отличницы», везде добивалась успеха, чего бы ей это ни стоило, словно подсознательно боясь, что если она чего-то сейчас не сделает, то её выгонят отсюда и ей придется идти домой.

Больше всех была поражена учительница музыки по фортепьяно. Зинаида Жалейко окончила музыкальную школу исключительно с поло-

жительными оценками, не имея музыкального инструмента, ее вырубал абсолютный слух. Она часами ночью «играла» на деревянной доске, расчерченной клавишами, сбивая пальцы в кровь, с звучащей у нее в голове мелодией. Но больше всего ее интересовала магия чисел и физика. Учитель физики Глеб Петрович только диву давался.

— У тебя, Зина, не голова, а вычислительная машина. Как ты можешь запоминать и хранить столько информации? Ты просчитываешь в задаче сразу последнее действие!

— Жизнь учит просчитывать, и ведь главное — результат!

— Эх, Жалейко, не всегда... не всегда. Ученые годы жизни посвящают именно самому процессу открытия, а когда его добиваются, радуются и одновременно грустят, потому что все самое интересное закончилось. Этак ты что-то очень важное проскочишь в жизни, — предостерегал ее преподаватель.

Зина отдернула руку от металлической ручки двери в школу и подула на содранную кожу. Мороз в том январе стоял крепкий, а перчаток или варежек у Зинаиды не было. Натянув рукав хлипкой короткой куртки, Зинаида открыла школьную дверь и вошла в плохо проветриваемое помещение старой школы, в которой даже при полном отсутствии народа все равно не было абсолютной тишины. Как будто сами стены хранили отголоски детских криков на переменах и топота множества ног. Зина прошла в спор-

тивный зал, ключ от которого у нее был, и заглянула в подсобку. Конечно, ребенку бы никто не дал тяжелую физическую работу, да еще в школе, где он учится, но Зина договорилась с «техничкой» тетей Аней. Вот девочка и мыла три раза в неделю за нее громадный спортивный зал, чем помогала ей, а та платила ей незначительную сумму из своей зарплаты. Больше всего Зина боялась, что ее увидит кто-нибудь из учеников, но в такое время все уже давно сидели по домам. Она налила два ведра воды и, нацепив большую тряпку на деревянную палку в виде буквы «Т», приступила к мытью обшарпанного пола.

Где-то наверху было разбито одно окно снаружи, так как изнутри окна были защищены железной решеткой от летающих в спортивном зале мячей. От этого в спортивном зале было прохладно и противно завывал ветер. Полы Зина мыла на одном дыхании, включив свой внутренний автопилот. Ее не покидало ощущение полного физического бессилия. Она понимала, что это от того, что она мало ест, а к ощущению постоянного голода она уже давно привыкла. Самым тяжелым в ее работе было протереть с двух сторон многочисленные маты, сваленные в углу зала. Об этом Зина даже думать не хотела. Один мат весил двадцать килограммов, и девочка с трудом ворочала эти громадины. Пахло хлоркой, которую Зина должна была добавлять в воду. От нее разъедало кожу рук и жутко щипало в трещинах на пальцах.

— Привет! — раздался за спиной Зины знакомый голос.

Лера частенько приходила в школу, когда там работала подруга. Зина уже устала сопротивляться этому.

— Привет, — ответила ей Зина, переводя дух.

— Извини, что опоздала, но маты тебе помогу перевернуть, — запыхавшись, сообщила Валерия.

Девочки, скрипя зубами, справились со своей основной задачей и упали совершенно без сил на эти же маты. Лера была очень миловидной девочкой, невысокого роста, худой, с нежной кожей, темными глазами с поволокой, которые были очень выразительными на ее подвижном личике, и темными, шелковистыми волосами. Она была невероятная чистюля и аккуратистка. И тем не менее Лера с ее аккуратностью самоотверженно помогала подруге в ее тяжелой и грязной работе.

— Знаешь, у меня есть чай в термосе, котлеты с пюре... случайно, — заверила Лера, — мне мама дала, а я не съела... Не хочешь?

Зинаида повернула к подруге мокрое от пота лицо и совершенно серьезно сказала:

— Я могу торжественно тебе пообещать здесь и сейчас, что, когда вырасту, я никогда не буду голодать, стану носить только красивые и дорогие вещи и заставлю окружающих себя уважать.

— Я в этом и не сомневаюсь! — согласилась

с ней Лера и полезла красными, опухшими от воды с хлоркой руками в сумку за едой.

— Что... опять живот болит? — усмехнулась Зина, отворачиваясь от подруги. — Ты думаешь, что я ничего не понимаю? Я также обещаю тебе, что не забуду, что ты для меня делаешь... никогда...

ГЛАВА 2

С тех пор прошло много лет. Девочки выросли, пути и дороги их разошлись, но они остались подругами. Зина рано поняла, что в этой жизни ей придется всего добиваться самой.

Сколько Зинаида себя помнила, она все время трудилась, как проклятая, и это уже стало ритмом и смыслом ее жизни. И она могла с чистой совестью сказать, что все, чего она добилась, она сделала исключительно своими силами. Зинаида Евгеньевна Жалейко к тридцати одному году получила два высших образования, одно из которых давало ей право работать переводчиком с трех языков, а про другое даже было страшно говорить простым людям. Зина окончила математический факультет сложнейшего технического института, и теперь могла преподавать высшую математику на иностранном языке.

Ее подруга Лера, девочка исключительно гуманитарной направленности, для которой простые задачки по алгебре и геометрии были сродни изощренным средневековым пыткам, вообще не понимала, как можно изучать высшую

математику, да еще на иностранном языке. Но, зная закалку и характер Зины, Лера не удивилась и могла поклясться, что подруга пошла на этот факультет потому, что он самый сложный. Валерия называла ее порой «трудоголичкой», «одержимой фанатичкой» и человеком, который специально ищет для себя трудности и, надо отметить, с успехом их находит».

— А если учесть, что «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет», то вообще хочется спросить: кто ты? — продолжала развивать тему Лера.

Зина Жалейко выросла очень красивой женщиной и при этом совершенно не умела кокетничать и глупо хлопать ресницами. Она была высокая, худая, но с хорошо развитой грудью и округлыми бедрами, что так радуют мужской глаз. Но, наткнувшись на абсолютно равнодушный и умный взгляд женщины, мужчины, как правило, пасовали перед ней. Волосы у нее были тяжелые и прямые, поэтому Зинаида предпочитала прически с четким графическим рисунком. На данный момент у нее было удлиненное каре с густой и длинной челкой. Зина была натуральной блондинкой, имела синие красивые глаза и классические черты лица. Лера всегда говорила, что Зина запросто могла бы посвятить себя модельному бизнесу, и там она тоже достигла бы определенных высот, но, конечно, Зинаида никогда не рассматривала себя с этой позиции. Ее главным достоинством был мозг. Зинаида помнила о своем горьком детстве, поэтому

первоочередным делом для нее было зарабатывание денег, с чем она успешно справилась.

Дело в том, что в школе Зина была первой ученицей, которая смогла ознакомиться с компьютерами, завезенными в небольшом количестве для компьютерного класса. Она сама освоила эту технику, а посещая кружок информатики, добилась колоссальных успехов. Так получилось, что Зинаида стала одним из первых и лучших компьютерных специалистов. Она написала несколько дорогостоящих первых программ для открывающихся, словно грибы, на заре перестройки коммерческих банков и получила свой первоначальный капитал.

Так как мозги у Зины работали в правильном направлении, она свои деньги правильно и вложила. Она открыла свой фитнес-центр с бассейном и салоном красоты, где цены были выше среднего, но у клиентов центр пользовался успехом. Зина не ставила себе сверхзадачи стать очень богатой дамой, она хотела иметь средний достаток для нормальной жизни и для того, чтобы заниматься любимым делом. А любимых дел у этой не совсем обычной женщины было много.

Она с удовольствием вела детский биологический кружок. Раньше это учреждение называлось станцией юннатов. Юные любители биологии ковырялись в земле, сажая, ухаживая за растениями, декоративными и плодоносящими. Здесь же юные зоологи имели возможность ухаживать за кроликами, хомяками, ондатрами, морскими свинками и другими грызунами. При

этом Зинаида еще являлась сотрудником научно-исследовательского института по разработке роботов и информативной техники.

В общем, интересы у Зинаиды были разносторонние, как и в детстве. Она любила активный отдых, не понимая, как можно тупо лежать на пляже и не думать ни о чем. Много путешествовала.

Для госпожи Жалейко отдыхом было как можно больше узнать нового и интересного, поэтому во всех своих поездках она сразу же записывалась на все экскурсии — от восхождения на горные вершины до спуска в пещеры со сталактитами.

А вот личная жизнь у Зинаиды не сложилась. В институте в группе, где училась Зинаида, было двадцать умных и отличных парней и только одна девушка с красивой внешностью — она сама. При этом из всех окружающих ее мужчин Зина не нашла подходящего кандидата себе в мужья. Она была занята только одним — доказать скептически настроенным преподавателям, что красивая девушка у них в институте — не трагическая случайность, а вполне реальная закономерность. Получив в конце учебы красный диплом наравне с тремя парнями, она доказала, что понятие «Хомо сапиенс» не только мужского рода. Зинаида так привыкла к тому, что по жизни должна всем что-то доказывать, что не заметила, как сама себя загнала в опасную ловушку. Она фактически не умела строить с мужчинами партнерские отношения. Она просчитывала их пове-

дение и все их слова задолго до того, как они пытались что-либо сделать или открывали рот. И вела себя соответственно. В итоге получался полный матриархат, и мужики в ужасе бежали от нее.

А вот к ее подруге Лере противоположный пол, наоборот, лип просто как мухи на мед. Она казалась им хрупкой фарфоровой куклой, не способной ступить и шагу без их мужской поддержки, в отличие от Зины, выглядевшей просто-таки воинствующей амазонкой по сравнению с Валерией. Лера никогда не шумела, не ругалась, она добивалась того, чего хотела, тихо хлопая загнутыми вверх ресницами и показывая при улыбке очаровательные ямочки на щеках.

Лера всю жизнь для своих родителей-ученых, доцентов университета, была самым примерным ребенком в мире. Если оценки, то сугубо положительные, если поведение, то только отличное. Скромно потупленный взгляд и полное послушание во всем. Самой Лере иногда казалось, что мама с папой забывают о ее существовании, настолько мало хлопот она им доставляла и настолько мало предъявляла каких-либо требований и претензий. Поэтому, когда Зина однажды проснулась в спортивном зале на матах, в очередной раз не пойдя домой, так как там опять что-то бурно праздновали, и увидела рядом с собой мирно спящую Леру с узелком вещей под головой, она разбудила ее и закричала:

— Ты что тут делаешь? Ты заснула?! Уже ут-

ро! Твои же с ума сходят!! Немедленно беги домой!

— Не-а... — зевнула Лера и свернулась калачиком, — не мешай спать.

— Ты с ума сошла? — оторопела Зинаида.

— Нет, я из дома ушла, — спокойно ответила Лера.

— Я плохо слышу или плохо понимаю? — переспросила Зина.

— Я ушла из дома, — чуть ли не по слогам повторила Валерия, — что тут непонятного? Ты тоже часто не ночуешь дома!

— Что?! Да это же совсем другое дело! Никто и не заметит моего отсутствия!! А ты?! Твои родители уже, наверное, с ума сошли!!

— Я спасаю свою жизнь, как и ты, и также имею право спать на этих матах, — поджала алые губы Валерия.

— Ты можешь нормально объяснить, что случилось? — Сон у Зинаиды как рукой сняло. — У тебя же такие хорошие родители!

— Хорошие... один химик, другой физик, не велик у меня выбор, — ухмыльнулась Лера.

— При чем тут ты?

— Ты куда подаешь документы? На свою любимую математику? — всхлипнула Лера.

— Я открою тебе секрет, — прошептала Зинаида, — дело в том, что меня уже туда приняли без экзаменов. Я много раз от школы побеждала в городских олимпиадах, и меня заметили.

— Вот повезло! — на минуту отвлеклась от своей проблемы Валерия. — Поздравляю! Я всег-

да говорила, что ты — умница! Эх, счастливица! Только выпускные сдать, и все! А вот у меня возникли проблемы, меня дома поставили перед жестким выбором, я должна стать или химиком, или физиком, то есть идти по стопам родителей. Только эти профессии серьезные и заслуживают внимания, видите ли! — выпалила Лера.

— У тебя же абсолютно нет способностей к техническим наукам! — удивилась Зинаида.

— Только ты это и понимаешь! А родители твердят одно, что в школе я маялась дурью, а в институте вынуждена буду взяться за ум, чтобы не подвести родителей. Представляешь, что меня ждет? Ужас! Ад!

— Ты могла бы поговорить...

— Нет! Они с первого класса твердят мне только одно, они словно запрограммированы, чтобы испортить мне жизнь, — продолжала жаловаться Валерия. На ее бледной коже, когда она расстраивалась, всегда выступали красные пятна и трогательно розовел кончик маленького, аккуратного носика. — Поэтому ничего мне не говори и не уговаривай вернуться. Я спасаю свою мечту и свою жизнь. Я не вернусь домой, пока не поступлю в институт, который выбрала сама.

— И куда ты собралась? — поинтересовалась Зина.

— В театральный... — Лера опустила темные ресницы и как-то вся сжалась, словно ожидая очередной порции насмешек и возгласов типа: «Ты с ума сошла?! Это не серьезно! Это не про-

фессия! Да туда конкурс большой! Да ты не поступишь и год будешь болтаться без дела, да тебя тогда точно родители поедом съедят! Выкинь эту дурь из головы и выбирай нормальную специальность!»

Вместо всего этого Лера совершенно неожиданно нашла абсолютную поддержку в лице Зинаиды.

— А знаешь? Это правильно! Ты — молодец! У тебя обязательно получится! Ты действительно артистка!

— Ты веришь в меня?!

— Конечно! На твоём милом личике иногда отражается целая буря эмоций, а как ты подражаешь учителям? Умора! А эти твои: «мама мне дала бутерброды, а у меня живот болит» или «примерь эту шапку, мне она мала». Думаешь, я не понимала все эти твои хитрости? Ты актриса будешь гениальная!

— Спасибо! — обняла подругу Лера. — Ты не представляешь, как ты меня поддержала!

— Я верю в тебя, — ответила ей Зинаида.

Для родителей Леры выбор дочери стал шоком, но помогло осознание того, что они ее вообще могут потерять, и это их примирило с действительностью. Чета Григорьевых, конечно, была еще в шоке и от того, что их дочь прошла огромный конкурс и поступила очень легко, выполнив все задания строгой комиссии.

— В кого она у нас уродилась? Моя дочь — актриса! Она же пропадет! Кем она будет без протекции? Разве же это профессия? И как мы

ее проглядели? — все сокрушалась мама Леры. — Что люди скажут?

После трех лет учебы в институте Лера была приглашена участвовать в спектаклях и сниматься в кино. Люди, которых имели в виду родители Валерии, их общие друзья, знакомые и родственники, рукоплескали ей в театре и с удовольствием смотрели фильмы с ее участием, засыпая комплиментами. Ничего не поделаешь, Валерия Григорьева была талантливой актрисой и совершенно правильно выбрала профессию.

К тридцати одному году Валерия Германовна Григорьева стала известной артисткой театра и кино, оставаясь в душе трогательной девчонкой. Ее личная жизнь складывалась по-особому, то есть Лера ни разу не выходила замуж, часто меняла любовников, имела дочь Элю восьми лет и искренне считала себя не готовой к семейной жизни.

Количество поклонников Леры поражало воображение. Она благосклонно принимала их ухаживания и подарки, абсолютно не отвечая взаимностью.

У Зинаиды отношения с мужским полом не складывались, ей попросту никто был не нужен. Учиться в институте, где на весь курс она являлась единственной особой женского рода, и не найти себе мужа, по мнению Леры, это была клиника.

— Я лучше останусь одна, чем с кем попалю! — гордо заявляла Зина.

А ведь к ней сватались несколько молодых

ученых, профессор института, где она работала, и даже один космонавт, с которым она познакомилась в НАСА, куда ее вызывали как специалиста!

— Я независимая, в меру состоятельная и полностью реализовавшая себя личность и не собираюсь это терять, — говорила Зинаида, словно сама себя пыталась в этом убедить.

Лера в душе понимала свою подругу, так как знала, чего Зине стоило достичь своего положения в жизни, а больше всего свободы и независимости.

ГЛАВА 3

Нельзя круто менять жизнь, это чревато нервными расстройствами! Но Григорьева Валерия явно об этом не думала. Она решила начать новую жизнь и, разумеется, с понедельника. Ладно бы еще она начала ее в одиночку, но Лера приладила к этому делу и свою подружку Зину Жалейко, которая не собиралась ничего менять в своей жизни ни с понедельника, ни со вторника.

Лера приехала к ней домой в приподнятом настроении рано утром, что на нее совсем было не похоже.

— Я, кажется, влюбилась! — закатила Лера глаза, сообщая подруге эту новость с порога.

Зинаида участливо кивнула головой, особо не отреагировав, так как известие об очередной влюбленности подруги она слышала каждую неделю.

— Ты не представляешь! Он настоящий поэт! Мы познакомились вчера на вечеринке! Мы с ним ушли из ночного клуба и прогуляли всю ночь! Я не спала и даже не хочу спать и сегодня уже с утра на ногах!

— Это видно! — заметила Зинаида, шлепая босыми ногами на кухню.

— Я не разбудила тебя? — только сейчас опомнилась Валерия.

— Мне уже надо было вставать, меня ждут мои пернатые и мохнатые, — ответила Зинаида.

— Ты опять едешь в свой гадюшник? — сморщила маленький носик Валерия, накручивая темную прядь волос на тонкий пальчик с красным маникюром. «Гадюшником» Лера называла станцию юннатов, где Зинаида занималась с детьми и разводила всякую живность.

— Я там отдыхаю душой, — ответила Зина, заправляя тонко нарезанный хлеб в тостер.

— Вот уж не понимаю я такого отдыха — ковыряться в навозе и грязи.

— Да куда уж тебе с твоими ручками в кольцах с брильянтами.

— Ты, между прочим, тоже могла бы крутить мужчинами, как хочешь, и заодно кольцами с брильянтами, но нет! Тебе нужна наука! Софья Ковалевская, мать ети!

— Тебе ругаться не идет. — Зинаида сняла с плиты кофе в турке.

— Так я только промеж нас...

— Потом, я не Софья Ковалевская, я — Зинаида Жалейко.

— Звучит устрашающе, — согласилась Лера, — пригласишь меня на фуршет, когда будешь получать Нобелевскую премию? Я надену свое лучшее платье, а уж перед камерой я вести себя умею, не подведу Россию!

— Тебе тост с джемом или с медом? — спросила Зина, близоруко щурясь и не реагируя на щебет подруги.

Она прочла столько книг, сделала столько переводов, что испортила себе зрение. Она плохо видела и вблизи, а вдаль еще хуже, и имела несметное число очков, разбросанных по всей квартире и лежащих в каждой из ее сумок.

— Вот смотрю я на твою талию и думаю, почему она досталась такой разгильдяйке, как ты? Ешь плюшки каждый день, шоколадки и торты, и все как в трубу! А у меня каждая ириска норovit задержаться и отложиться в самом неподходящем месте, — пожаловалась Лера, всю жизнь сидящая на жесточайшей диете.

Только Зина знала, почему Лера часто прерывала съемки и исчезала у себя в фургончике. Она попросту била себя там по щекам и нюхала нашатырь, чтобы прийти в себя и не упасть в голодный обморок. Ее нежелание есть зашло слишком далеко, и Зина даже начинала волноваться по этому поводу. Зато Валерия чудно смотрелась на экране. Воздушная, легкая, трогательная и выглядевшая намного моложе своего возраста.

Вторым пунктиком известной актрисы была ее нежная и белоснежная кожа. Валерия давно поняла, правда, не без помощи известных сти-

листов, что ее темные глаза, чувственные губы и тяжелые, роскошные волосы выигрышно смотрятся именно на фоне прозрачно-бледной кожи. Стоило Валерии хоть немного загореть, как ее внешность становилась намного проще.

— Я похожа на папуаску! — кричала Лера, больше всего на свете боясь, что на ее носике появятся веснушки.

Поэтому актриса Григорьева всячески избегала бывать на солнце. Лера носила солнцезащитные очки в пол-лица и огромные, широкополые шляпы, которых у нее было несметное количество.

— Есть не будешь? — уточнила Зинаида. — Только зеленый чай исключительно для тонуса и здорового цвета лица.

— Видишь, какая ты умница... ты все знаешь за меня, — ответила Лера.

Зинаида положила себе в чашку сахару и налила кофе, а подруге зеленый чай «без ничего».

— А ты себя не бережешь... вот кто тебя полюбит? Рассеянная, вся в себе, возишься с крысами и тарантулами, и к тому же умная, зараза! Неужели нельзя прикинуться дурой? Хоть на вечер!

— Знаешь, прикинуться дурой для меня оказалось непосильной задачей. А на вечер и тем более... — захрустела тостом Зина, — ты же меня знаешь, я — кремень! Всю жизнь прикидываться не смогу.

— Понятно... тридцать один год девочке, а

все ждем принца! Он, видимо, с небес должен упасть, посланный богом, — Лера ругнулась.

— Я не виновата, что мне никто не нравится, а без любви я не могу...

— У тебя вся любовь ушла на твои безумные цифры и опыты! Где уж тут обычным людям достучаться?! А я вот с этого понедельника начинаю новую жизнь! Я решила заняться здоровьем, а то ты все ругаешь меня. Вот похожу в твой фитнес-клуб, поплаваю...

— Давно пора, — буркнула Зина, — только боюсь, что тебя волной сшибет в бассейне.

— А самое главное, что я сегодня же посылаю Тимофея куда подальше и уезжаю отдыхать со своей новой любовью Димочкой куда глаза глядят! — весело сообщила Валерия.

Тимофей был секретарем Леры, ее агентом, нянкой и сиделкой в одном лице.

— Так я и знала! — сокрушенно сказала Зинаида. — То есть мне ты опять предлагаешь не самую завидную роль — успокаивать Тиму?

— Ты догадливая... к кому же я могу обратиться с такой просьбой, как не к тебе? Ты и Тиму хорошо знаешь! Ну же, Зинок, помоги! Счастье же мое налаживается! — Лера поставила пустую чашку на стол.

— Ох, Лерка! Играешь ты с огнем! Поддерживаешь легенду, что все актрисы — легкомысленные особы? Легко шагаете по жизни, разбиваете сердца и играете чужими жизнями?

— Фу, Зина! Ты сейчас как моя мама, все время требующая от меня какой-то стабильно-

сти! Работа серьезная, семья... А я не хочу этого! Не хо-чу!

— Ты, как подросток, всю жизнь идешь наперекор своим родителям, — заметила Зина.

— Что делать? Они меня воспитывали по-своему, а я вырвалась на свободу!

— Тебе сколько лет?

— По ощущениям, минус пять, — не думая, ответила Лера.

— Вот именно! Свою жизнь ты и не проживаешь, играешь во что-то... И этот Дима... кто он? Что он? Зачем он?

— Может, он моя судьба?! — показала язык Зине Валерия.

— Делай, что хочешь, уйдет от тебя Тимоха, вот тогда и почувствуешь ответственность. Одного не понимаю, как ты играешь такие глубокие роли? Ты же сама ничего не прочувствовала? Вот уж, действительно, гениальная актриса, — вздохнула Зина, что означало ее согласие.

— У меня к тебе еще одна просьба, — посмотрела на подругу Лера из-под длинных ресниц, понимая, что Зина отказать не сможет.

— Что еще?

— Дело в том, что я не знаю, как долго мы будем с Димочкой, нас так захлестнуло...

— Без подробностей, — поморщилась Зина.

— Короче, мы хотим с ним уединиться куда-нибудь на недельку и насладиться друг другом. Ты же понимаешь, что в Москве мы даже пойти вместе никуда не можем, ко мне сразу очередь